

Любовь пулемётчика

Добавил(а) Владимир Демьянович Парашин
20.02.12 14:47 - Последнее обновление 20.02.12 14:56

Любовь пулеметчика

рассказ

За них, родных, любимых,

желанных таких,

Строчит пулеметчик,

За синий платочек,

Что был на плечах дорогих!

Я.Галицкий.

21 июня 1941 года Диме торжественно вручили аттестат зрелости. Ему недавно стукнуло 17 лет. Казалось, что впереди большая интересная жизнь. Большое село на Хмельниччине, районный центр, по тем временам, можно уверенно сказать, процветало. Колхоз был богатым, люди наконец-то почувствовали, какую-то уверенность в будущем. Дима уже тогда был комсомольским активистом и свое будущее связывал с комсомолом и партией, считая, что так он больше пользы принесет своей большой Родине.

22 июня утром в районе фермы прогремел взрыв. Летчик немецкого самолета, возвращаясь с задания, избавился от бомбы. К полудню стало известно - началась война. Через месяц комсомольских активистов, что не призвали в армию, заставили гнать стадо свиней не куда-то конкретно, а просто на восток. Это была эвакуация. Не оставлять же свиней фашистам! Три долгих месяца активисты добросовестно гнали свиней, заботясь об их сохранности и упитанности. Было очень тяжело. Дима не знал, что это не самые большие трудности, которые ему предстоит преодолеть за время войны. Ночью было холодно, и активистам приходилось спать между телами свиней.

В октябре 41-го они волею случая оказались вблизи большой армейской продовольственной базы. Командир базы, офицер интендантской службы своим решением свиней забрал, а активистов отправил в местный военкомат.

У Димы сохранился только один документ – аттестат зрелости. Когда прозвучала команда «Кто со средним образованием, выйти из строя!», он уверенно шагнул вперед. Потом он обманул военкома, прибавив себе один год.

Хочу напомнить читателю, что этот рассказ не столько о Диме, сколько о любви. Поэтому пропустим период его обучения в Муромском пехотном училище, то, как он в 17 лет стал офицером, как воевал в Сталинграде и остался жив, как командовал 2-й пулеметной ротой 633-го стрелкового полка, 157-й дивизии.

В роте, которой командовал капитан, все его подчиненные были старше его, но это не мешало ему уверенно командовать и бить врага. Молодому офицеру было с кого пример брать, было у кого учиться. Его учителем, наставником был командир I-й пулеметной роты капитан Лактионов Пантелей. Это был воистину маэстро пулеметной стрельбы. Он умел передавать азбуку Морзе пулеметом. В своем последнем бою он, дважды раненный, без глаза, после гибели всех расчетов его пулеметов, сам залег за пулемет. Позже впереди его позиции насчитали более 30 трупов пьяных эсесовцев. Через два дня после боя капитан П.Лактионов умер в госпитале от ран. В марте 45-го года ему было присвоено звание Героя Советского Союза, к сожалению, посмертно.

Дима был хорошим учеником и в чем-то пошел дальше учителя. Особенно молодой офицер преуспел в стрельбе из станкового пулемета «Максим». Пули этого грозного

оружия почти никогда не наносили ран противнику - они сразу убивали. Командир пулеметчиков ненавидел фашистов, и все время думал, как при помощи своих пулеметов нанести врагу наибольший урон и, надо признать, преуспел в этом. Он считался в дивизии лучшим специалистом по организации пулеметных засад, когда правильное расположение и маскировка позиций позволяли точным перекрестным огнем эффективно разить врага, и пленных после работы его пулеметов никогда не было.

Немцы всегда в первую очередь подавляли огневые точки со станковыми пулеметами, осознавая, какую опасность они для них представляют, и часто бывало, что только пулеметчик пристреляет оружие на позиции, как приходится менять ее. Капитан и здесь сложившуюся ситуацию обратил в пользу свою на горе врагу. После пристрелки «Максима» и после первых выстрелов полевой артиллерии противника с целью подавления огневой точки командир пулеметчиков взрывал вблизи позиции заранее заложенную лимонку и выбрасывал на бруствер окопа станину от другого пулемета, изображая поражение огневой точки. Фашисты, наблюдая в бинокли сию картину, успокаивались, считая, что на этом участке фронта все огневые точки русских надежно подавлены. Но когда противник предпринимал очередную попытку контратаковать, огневая точка неожиданно «оживала». «Максим» косил атакующие цепи врага на дальних подступах, когда немецкие «Шмайсеры» были неэффективны.

Командир полка полковник М.Г.Горб, произнося тост во время застолья по случаю награждения Орденом Красной Звезды командира 2-й пулеметной роты, сказал: «Я честно признаюсь, мне порой жалко фрицев, когда работают твои пулеметы, капитан, потому, что ты не оставляешь им шанса, но я так же осознаю, что благодаря таким, как ты, многие жизни наших солдат будут сохранены, и победа нашей армии неизбежна».

В июле 44 года, когда Советские войска пересекли границу СССР и гнали немчуру по Польше, капитана ранило. Маленький осколок величиной с копейку попал в подбородок. Медики не стали вытаскивать его. Он так и проносил его в подбородке до конца дней своих.

Дима лежал на госпитальной койке полевого госпиталя в офицерской палате и молча наблюдал за медсестрой-сержантом. Она ему очень нравилась. Ранение было таким, что говорить он не мог. Даже если бы и мог, он все равно молчал бы. Капитан считал, что сперва фашиста разгромить надо, а девушки потом. Кроме того он девушек побаивался. Та неотразимая, притягательная сила, что исходила от них, пугала его.

Полинке тоже было 19 лет, и она тоже с интересом посматривала в сторону капитана. Ни у него, ни у нее не было любовного опыта. Да и когда ему появиться? Они были нецелованы и чисты, как ангелы. Челюсть капитана посредством бинта крепко была привязана к голове и есть, как все он не мог, его кормили медсестры, просовывая небольшой шланг через щели в зубах. Уже через неделю право кормить капитана из 633-го полка было только у сержанта медицинской службы, которую и медперсонал, и больные называли Полинкой. Врачи почему-то чаще, чем других, осматривали раненного капитана. Женщина–врач, майор медицинской службы при осмотре, как-то сказала Диме: «Вам надо побольше быть на воздухе. Тут есть вишневый сад, так вы вечером погуляйте. Вечерний моцион при вашем ранении более чем полезен».

Вечером раненый на соседней койке, майор-артиллерист, которому пуля пробила бедро, внезапно обратился к капитану: «Капитан, врач сказал, чтобы ты вечером гулял». Капитан отрицательно помахал головой. И тут почему-то все пять раненых, что в палате были, стали возмущаться наплевательским отношением капитана к рекомендациям врача. При этом они так, чтоб капитан не видел, подмигивали друг другу и улыбались. Диме ничего не оставалось, как идти искать вишневый сад.

Он без труда нашел сад и, конечно же, там была она. Товарищи по палате стали каждый день напоминать капитану о необходимости делать прогулки по саду, и каждый раз там была Поинка. Они уходили в сад, прятались от чужих глаз за садовым домиком, который почему-то был покрашен голубой краской. Садись на ствол поваленной старой вишни, и она говорила, а он молчал. Они не прикасались друг к другу, и когда таковое случилось (он дотронулся до ее руки), они оба покраснели и долго молчали.

Капитан был «ходячий» раненый и, у него было больше времени. Тратил он его на то, чтобы найти цветы. Госпитальная общественность очень положительно относилась к влюбленным и максимально им способствовала. Подруги медсестры готовы были подменить ее всегда, врачи закрывали глаза на небольшие недостатки в работе. За те два месяца, что капитан был в госпитале, их отношения так и не развились до уровня жениха и невесты. Она не смела настаивать, а он боялся, что может получить отказ. После выписки, расставаясь, они обещали писать друг другу. После его отъезда она плакала, а подруги ругали ее за нерешительность и неспособность делать правильные намеки.

Первые письма были сдержанны и не отражали той бурной полноты чувств, что клочотала у них в душе. Она писала ему чуть ли не каждый день, а он писал редко – не любил он эпистолярный жанр. В феврале 45-го года полк отвели во второй эшелон уже

в Германии для доукомплектования. Диме пришло очередное письмо, и он понял, что госпиталь где-то рядом – в районе города Цоссен. Командир полка, в конце концов, поддался на уговоры и отпустил капитана повидаться с Полинкой, и главным аргументом, что побудил комполка отпустить молодого офицера, был довод о том, что здесь имеет место любовь.

От места расположения полка до госпиталя было порядка 10 км, и почти все это время он бежал. И только где-то за 2 км от Цосенна его настиг «Виллис», в котором ехал полковник.

- Ты куда торопишься, капитан? – вопрошал полковник.

- Там у меня в госпитале девушка, – задыхаясь, отвечал капитан.

- Садись, подвезем.

- Спасибо, товарищ полковник.

«Виллис» ехал не быстро. Дорога, разбитая бронетехникой, оставляла желать лучшего. Полковник подробно расспрашивал капитана о его девушке, о том, как познакомились, и, узнав, что это медсестра Полинка с Урала, приказал водителю свернуть к госпиталю, произнеся при этом: «Понимаешь, солдат, она меня, можно сказать, с того света вытащила в 43-м. Капитан, тебя надолго отпустили?»

- К утру приказано вернуться, полк перебрасывают южнее Ютербога, там целый полк эсесовцев сдаваться не хочет.

- Ну, если опоздаешь, скажи комполка, что полковник Буянов твою увольнительную продлил, - сказал полковник. Они с солдатом-водителем молчали, но почему-то улыбались.

- Понимаешь, солдат, - вымолвил полковник уже после высадки капитана,- любовь - дело хрупкое в наше время. Надо бы как-то помочь.

На КПП госпиталя усатый ефрейтор в возрасте ни за какие коврижки не хотел пропускать на территорию госпиталя капитана, но как только узнал, что перед ним возлюбленный Полинки, тут же открыл шлагбаум и бросился к телефону. Капитан довольно долго сидел в кабинете главного врача, ожидая медсестру. Кабинет – это громко сказано. Это просто угол, выгороженный простынями в большой комнате. Девушку в это время мыли, причесывали, одевали и инструктировали. Врач-майор сняла с себя золотые сережки и сама прицепила ей на мочки ушей. В конце концов, личный состав госпиталя признал годной медсестру Полинку для свидания и выпустил ее к капитану. А тот «глупый чайник» ничего этого не заметил и стал ее руки целовать.

- Я так волновалась за тебя.

- Я тоже.

- Говорят, 633-й отвели с передовой.

- И откуда вы тут все знаете?

Они долго так «ворковали». Схвативши при встрече ее руки, он уже их не выпускал. И смотрел, смотрел на нее, словно пил и не мог напиться. В окне посветлело и подходило время расставания.

- Я тебя буду ждать. Ты там не рискуй сильно. Если что случится, я просто умру, -

произнесла Поинка и заплакала.

Он не знал, что как минимум 20 пар ушей, расположенных вокруг кабинета, пытаются услышать, о чем говорят возлюбленные.

Расставание было тяжелым. Она продолжала плакать. Он обнял ее, успокаивая. И снова они обещали писать письма. Прошла неделя, но оба, не видя друг друга, как разнополярные магниты тянулись друг к другу и не могли успокоиться. В госпиталь стали поступать раненые с 633-го полка, и медсестра поняла, что ее возлюбленный снова на передовой строчит из своих пулеметов. Она их всех спрашивала о капитане. Они рассказывали, что воюет он геройски, и если бы не его пулеметы, то из 633-го полка было бы раненых намного больше. После этих рассказов в душу ее закрадывался панический страх за него, и все валилось из рук. Еще свежа была память о подвиге капитана Лактионова. Она почти все время плакала, и многие относились к этому с большим пониманием, успокаивали ее, опекали, подстраховывали. Вот тут-то из глубины души ее вышли наружу эти стихи. И пусть они не совершенны, но искренни, и, читатель, поверь – они от всего сердца.

Пламя войны разгоралось

Над советскою нашей страной,

И сражаться за общее дело

Ты отправился, милый мой, в бой.

Любовь пулемётчика

Добавил(а) Владимир Демьянович Парашин
20.02.12 14:47 - Последнее обновление 20.02.12 14:56

Рвутся бомбы, грохочут снаряды,

Черным дымом покрылась земля,

Может быть, в огневую засаду

Ты идешь сейчас, радость моя.

Пусть удачи тебе помогают,

Счастье вечное будет твое,

Пусть пули врагов отлетают,

От тебя, мой друг дорогой.

Где теперь, мой милый, хороший,

Любовь пулемётчика

Добавил(а) Владимир Демьянович Парашин
20.02.12 14:47 - Последнее обновление 20.02.12 14:56

И какой приютил тебя край?

Если писем писать ты не можешь,

Хоть ветром привет передай.

Ко мне западный ветер примчится,

Прошумит, прогудит предо мной.

Я лицо свое ветру подставлю -

Пусть целует меня за тебя.

А восточным пошлю тебе ласку

И глубокую нежность свою,

Ветерок подберется под каску

Освежит тебя в жарком бою.

Ты вернешься к вишневому саду,

Где синеет голубенький дом.

Я тебя поцелую в награду

За победу над лютым врагом.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. 633-й полк не штурмовал Берлин. Его отвели в район города Ютербог для уничтожения разрозненных групп вермахта и СС, что не сложили оружия. На политинформации замполит полка рассказал, что Ютербог - город непростой. Гитлер всегда подчеркивал, что в Ютербоге он не нуждается в охране, его охраняет все население. Это родной город фельдмаршала Паулюса, который был пленен в Сталинграде, и что в этом городе повесили семью плененного фельдмаршала.

Впереди колонны студобекеров с солдатами 633-го полка по брусчатке гремел гусеницами танк, за ним ехал «Виллис», в котором сидели заместитель командира полка и полковник из штаба армии, который координировал действия войск армии по уничтожению остатков гитлеровцев. Рядом с ним сидел солдат-радист с радиостанцией. Колона медленно втягивалась в город. Над аркой с двумя крепостными башнями висела красивая дубина. Рядом на доске было написано, что этой дубиной был убит последний вор Ютербога. Когда кабина студобекера, в котором ехал Дима поравнялась с аркой...

Сперва загорелся танк, через секунду все, кто ехал в «Виллисе» были расстреляны в упор из окон. Солдаты из грузовиков бросились врассыпную и вовремя, потому как все четыре грузовика-студобекера, что были перед машиной Димы, тоже загорелись. Капитан при помощи солдат поставил «Максим» на крышу кабины и открыл огонь длинными очередями, не позволяя гитлеровцам высовываться из окон. Солдаты полка бросали в окна гранаты, врывались туда и огнем из автоматов добивали эсесовцев.

Капитан приказал водителю сдвинуть вперед горящую впереди машину, объехать ее и по тротуару ехать вперед. Сам он на ходу продолжал непрерывно стрелять. Пулемет переставал стрелять только тогда, когда заканчивалась лента. Солдат-пулеметчик, что с правой руки ловко перезаряжал, а тот, что слева, в это время заливал из фляги в кожух пулемета воду. И снова капитан не давал противнику головы поднять, позволяя солдатам полка бросками продвигаться вперед.

Улица и дома закончились, и впереди было открытое пространство (позже стало известно, что это летное поле). Левее пространства было длинное, двухэтажное здание. Из окна второго этажа бил короткими очередями немецкий «Магнум». Бил прицельно, патроны берег. У капитана патронов было много. Первыми двумя очередями он пристрелялся и замолк. Как только он увидел вспышки выстрелов из окна, ударил по нему длинной очередью. С торца здания подошел советский огнеметный танк, вставил в проем дуло и выпустил из последнего свой огненный смертоносный смерч. Огнемет танка полыхнул так сильно, что огонь вырвался через окно с другого конца здания. Со всех дыр полезли немцы. Половина из них горела, и они катались по земле, сбивая пламя. На них была черная форма, и издали они были похожи на тараканов. Капитан, стреляя из пулемета, как бы слился с ним в нечто единое целое. Он не видел куда попадают пули его «Максима», он чувствовал это и знал точно, что они летят куда надо. Сквозь крепко сжатые зубы Дима, стреляя, остервенело шептал: «Никто не уйдет. Всех сук тараканьих положу. Мать вашу...». И никто не ушел, он всех положил. У той пушки, что была спрятана за зданием фашистами, был один снаряд, и выстрелила она последний раз. Снаряд попал в мотор студобекера, на котором был капитан. При взрыве его отбросило в кузов машины вместе с крышей от кабины. Осколок пробил сапог и врезался в переднюю часть ступни.

Очнулся он на следующий день на койке в офицерской палате того самого полевого госпиталя, где была Полинка. Полковые медики точно знали, куда везти этого капитана. Легенда об ученике героя-пулеметчика Лактионова и его любви к медсестре имела хождение в полку, в дивизии, в армии и даже во фронте. - Товарищ майор, товарищ майор, - кричали и бегали медсестры, - он очнулся, он пришел в сознание.

Врач-майор подошла к кровати капитана и стала задавать вопросы.

- Головокружение есть? – Дима утвердительно, либо отрицательно кивал головой. - Тошнит? Говорить не можешь? - через некоторое время она сказала диагноз: «Сотрясение мозга, легкая контузия, временная потеря речи, а так все в порядке. Усиленное питание и на воздух, на улице май. Через три дня бегать за Полинкой будет, как цуцик. Да, про трагедию 633-го полка ему пока не рассказывайте.»

Победу пулеметчик встретил на костылях, но зато живой и рядом с любимой. А Полинка в Бога поверила. Она молилась тайком, хоть и была комсомолкой, и Господь услышал ее. Вечером того дня, когда Дима попал в госпиталь, солдаты полка на станции в Ютербоге нашли цистерну со спиртом. Все 26 офицеров полка к утру были мертвы. Много погибло солдат, еще больше ослепло. Спирт был метиловый. Из офицеров остались живыми командир полка – ему в тот день ногу оторвало - и командир полковых пулеметчиков, герой нашего рассказа.

Понимаете, читатель, за годы войны люди устали от грязи, жестокости, войсковой грубости, крови, боли и горя. Они истосковались по любви, чистой и искренней. Проявление истинных чувств распознавалось людьми тогда безошибочно, и чувства эти считались святыми.

Эпилог

Они поженились. В 47-м году после окончания совпартшколы капитан попал на партийную работу. Работал в Килии, был работником Измаильского обкома. Долгое время был председателем колхоза в одном из бессарабских сел, много хороших дел сделал он. В середине 80-х капитан в возрасте 64 лет умер. Жители села хранят о нем добрую память.

Она же всю жизнь следовала за мужем и везде лечила людей. Троих детей вырастили.

Ну, это уже другая история.

На родине Пантелея Лактионова в селе Ново-Троицкое установлен ему памятник. Его именем названа центральная улица села и Дом культуры. В Бресте, где он похоронен, есть улица Пантелея Лактионова.

Полковник М.Г.Горб и сегодня живет. Он мемуары написал 1976-м году. Книжка называется «Страну заслоня собой».

Вдова капитана, что поведала эту историю, к сожалению, не дала согласия на публикацию ее фамилии. Всмотритесь в фотографии, и, возможно, вы узнаете этих героев.

Сила искусства

(рассказ)

Чем характерна психика офицера? - устойчивостью. На поле боя гремят взрывы, громко бухают пушки, стучат пулеметы, а офицеру думать надо и принимать нелегкие решения. Бывают ситуации и в мирное время, когда тяжело, ну очень тяжело, а дело делать надо, потому как приказ. Но случаются обстоятельства, когда и офицерская психика дает сбой.

Было ранее октябрьское утро. Прокоп Петрович Коровин встал с постели, подошел к окну, раздвинул шторы... Вид из окна наводил тоску. Прошел дождь, растения в огороде посохли и увядающе кивали. Взгляд наткнулся на календарь и это навело на мысль о том, что 11 числа у него день рождения и мысли у Прокопа Петровича стали то же тоскливые, как вид за окном: «Какой идиот придумал празднование дня рождения? Фактически это праздник приближения смерти на один год. Тут в пору горевать». Коровин осознавал, что праздновать придется. Друзья, товарищи не поймут. Не он придумал этот праздник.

Коровин оделся и вышел во двор покурить, как это было вчера и позавчера. Выкуривание раним утром сигареты стало уже ритуалом. Он удобно усаживался в плетенное кресло под виноградной беседкой, с удовольствием затягивал в себя дым сигареты и . . . Каждый раз в этот момент ему в голову приходили одни и те же мысли. Вспоминалась родной город Тульчин, что на Виничине, по которому он на «Яве» гонял, как работал в колхозе в селе, что рядом с Тульчином с мудренным названием «Нестерварка». Вспоминался отец- колхозный ветврач. Он лошадей очень любил и то, как он говорил: « В селе без лошади, все равно, что голова без мозгов, вроде есть ,а толку мало». Мама учительница сельская, которую недавно похоронил. Вспоминалось служба армейская 2 года солдатом, потом ветеринарный институт и долгая служба в армейской ветеринарии. До подполковника дослужился. И вот уже на пенсии 10 лет. На пенсии пишут мемуары, а если и работают то ветврачами в цирке, конезаводе, больших фермах, где много коров, на крайний случай на большой птицефабрике, а тут все не как у людей – в сельское хозяйство подался. Свиней, утей, гусей развел, земли в аренду набрал. Можно сказать в председателя колхоза превратился, и этот говорливый пехотный «майоришко еще, все зудит подкожно де мол барин, помещик, эксплуататор, сатрап и пр. Надо его на день рождения пригласить, а то кто же мне рассказывать будет, кто я на самом деле? Когда же я его видел последний раз? Надо повидаться. Пойду ка я сегодня в пивбар, где он вечно ошивается, пообщаюсь, заодно и на день рождения приглашу.»

Перов Вадим Дмитриевич был тем самым «пехотным майоришкой», что зудит подкожно. По утрам пока все спят и никто не мешает он шел в свою мастерскую и . . . Столярное дело это, безусловно, ремесло, но сколько творческих возможностей открывается и порой Перову казалось, что это искусство и он творит, как художник. Вадим Дмитриевич считал, что дерево, древесина есть истинный подарок от бога человеку. Никакой искусственный материал не может заменить дерево. Свойства дерева уникальны и не повторимы и очень жаль, что люди к дереву относятся обыденно и без должного уважения. Когда служил службу армейскую заниматься деревом было недосуг, а вот на пенсии . . . Перов строгал, пилил, точил, долбил, а в голове бродили мысли не связанные с тем, что делали руки. . . Вчера вечером в пивбаре Коровин пригласил на день рождения, 60 лет стукнуло ему. Родня у него большая, друзей много. Будет раздельно праздновать. Сперва с друзьями в ресторане, а потом с

родственниками дома. Может так и надо. Только вот проблема: что ему дарить? Пять лет назад Перов подарил ему небольшой столик из ореха, что сам сделал, подписал соответственно и Прокопу Петровичу очень понравился подарок. Известно, что дома он не разрешает никому ничего на него класть считает, что это не просто столик - это нечто вроде талисмана. Ну не дарить же ему еще один стол или там табуретку. А купленный подарок - это просто отмазка, его не оценят и даже могут обидеться. А что если. . . ?

Через 20 минут Перов был около городского дома художников и давил кнопку звонка возле калитки, которая открывала вход в мастерскую художника-живописца С. Адмиралова. Обычно художники такого уровня не соглашались писать маслом дружеские шаржи, но Адмиралов был обязан Перову. Года два назад он парадную шинель у него выпросил, что после службы осталась. Перов с художником были давно знакомы и относились к друг другу с должным уважением и потому могли позволить себе говорить прямо не используя намеки.

Через 3 дня Вадим Дмитриевич подъехал к мастерской художника Адмиралова. То что он увидел его не просто шокировало – это его потрясло. На холсте писаном маслом был изображен Коровин в генеральском мундире. В одной руке он держал за хвост большую крысу, а в другой руке жирного кота и тоже за хвост и кот был очень похож на того, что Коровин лечил у президента, в бытность его начальником ветслужбы ковалерийского киносъемочного полка в Москве. В нижней части картины были изображены, те самые гуси, утки, свиньи, что Прокоп Петрович растил сегодня. Стоял Коровин в навозной жиже, соответственно, сапоги и ботинки с генеральскими лампасами были тоже в навозе.

Короче все, что плохого можно вспомнить о ветеринарах вообще было на этой картине. Глядя на эту картину в образе Прокопа Петровича вырисовывался образ эдакого изверга, что всю жизнь только и знал как издеваться и мучить животных и потому достиг генеральских вершин. Вадим Дмитриевичу пришла мысль, что если эту картину увидит Коровин, то он не то что другом перестанет быть – еще и бить будет. Вед он в самом деле лечил животных и делал это весьма добросовестно и ответственно, а эта картина насмешка над его прошлым, которым он, не без оснований, гордился.

- Адмиралов, - говорил Перов художнику, - ты что с дуба упал? Как ты мог такую «Хрень» нарисовать?

- так это же дружеский шарж, - простодушно хлопал ресницами Адмиралов.

- если это увидит Коровин то он нас с тобой живьем закопает— продолжал эмоционально говорить Вадим Дмитриевич. — Короче. Адмиралов, ты «композитор» судя по этой бредятине хороший, не сочти за труд изобрази что-нибудь удобоваримое.

- я не композитор, я художник. Я напишу, то что Вы хотите, но знайте, вдохновение со склада не получишь и то что я изображу переделывать больше не буду.

Прошло 2 дня. Перов приехал за картиной и то что он увидел его приятно впечатлило. «Художник Адмиралов, несомненно талантлив» - отметил про себя Вадим Дмитриевич, но Адмиралову он об этом не сказал – молод зело. Загордится еще.

На картине писанной маслом, несомненно, был изображен Коровин по пояс в форме офицера Советской армии. В руках у него фуражка и смотрит он задумчиво в даль, а там колоситься пшеница. Сзади как фон всадники в буденовках и кремлевские башни. Перов засмотрелся на картину она настолько заворожила, что он глаз оторвать не мог. Невольно пришла мысль, о том что она уж очень хорошо отображает характер Коровина, мысли и чаяния последнего. Только посвященный мог догадаться, что на картине не просто офицер, а подполковник ветеринарной службы. Погоны узкие, просветы и звездочки белые.

- понимаете, легче было новую картину написать, чем ту, где «изверг кошачий» исправлять, - пояснял Адмиралов, заворачивая картину в большую плотную бумагу.

- а куда дел ту где с крысой и котом? Еще покажешь кому и неприятностей не оберешься, - вопрошал Перов, загружая в багажник машины 2ой вариант картины.

- так заберите оба варианта, что бы не волновались, - ответил художник и тут же вручил ее Вадим Дмитриевичу.

Отпраздновать день рождения Прокоп Петрович решил в том кафе, где он числился постоянным посетителем в силу того, что, как минимум, один раз в неделю он с друзьями –отставниками пиво там пил. В начале все шло хорошо. Собралось около 30 человек, все мужчины. Гости в основном состояли из офицеров в отставке, но был один капитан дальнего плавания, один лоцман, был один капитан 1го ранга, что был на действительной службе. После нескольких тостов и испития соответственно нескольких рюмок водки люди за столом оживились, говорили про службу и про юбиляра. Вот уже прозвучал традиционный при праздновании дня рождений тост о трех металлах, что наблюдали у юбиляра – серебро в висках, золота в сердце и стали в штанах. Стали говорить кавказские тосты и темпы употребления водки возросли. Возбуждение гостей возрастало, многие хотели сказать свой тост и перекрикивали друг друга. Вот в это время сзади юбиляра на пустой стол Перов воодрузил писанный маслом портрет Коровина (2 вариант), подпер его стулом с другой стороны, что бы не падал и тихонько сел на место, будто и не вставал. Первым портрет заметил капитан первого ранга, который сидел напротив Коровина и встал для произнесения тоста. Вместо того, что бы тост говорить он раскрыл шире глаза и приоткрыл рот пораженный сходством и соответствия писаного образа с натурой. «Петрович, - обратился, придя в себя, капитан 1го ранга к юбиляру, - ты видел, что у тебя за спиной?» Последний медленно обернулся и тоже молча созерцал картину. Картину к тому времени увидели уже все гости. Многие из них встали и подошли поближе, что бы рассмотреть получше. В наступившей тишине четко прозвучал тихий голос Коровина: «Только Перов мог учудить такое». Перов в это мгновение пользуясь тем, что на него не кто не смотрит доедал большой кусок вкусной баранины. Имел грех такой отставной майор – уж очень он любил покушать вкусненькое.

Многие об этом знали и частенько посмеивались над Вадимом Дмитриевичем. Коровин не то что бы осуждал майора за обжорство, а резко критиковал последнего. Он указывал ему на его большой живот произнося при этом: «Бульбомет несчастный. Ты сколько жрать уже можешь?». Гости расселись на свои места за столом.

-Вадим, - обратился Коровин к Перову, - это твоя работа?

-Нет, - это художник Адмиралов тебя расписал, отвечал Перов продолжая обсасывать теперь уже ножку кролика.

- слушай, Вадим, ты уже целую тарелку слопал, мне не жалко, но может ты поостережешься так есть. Как бы чего не вышло? – посмеиваясь говорил Коровин.

- я как раз заканчиваю и хочу сказать тост. Прошу всех налить.

Перов произнес тост о том, что Коровин должен умереть в сто лет от ножа ревнивого мужа и не просто так а за дело. Тост среди гостей получил одобрение. Все выпили. Через некоторое время у большинства гостей язык стал заплетаться и все хотели говорить тосты. У Перова в это время родилась идея. Он тихонько, не привлекая внимание сходил к машине и принес тот первый вариант картины, где Коровин с котом и крысой. Пришла молоденькая официантка сменить посуду и на нее все отвлеклись. Вот в это время Перов и подменил картину, уселся на место и стал обсасывать очередную баранью кость. Трезвее всех был лоцман. Он пил через тост мотивируя тем, что жене обещал не напиваться. Лоцман первым заметил, что с картиной что-то не так. Он обращаясь к Коровину спросил:

-Прокоп, ты где водку покупал? Похоже она паленная. С этой картиной что-то произошло или это у меня галлюцинации?

-Может ты много выпил? – отвечал Коровин не оборачиваясь.

Один из гостей глядя на картину стал истово креститься. Коровин обернулся, посмотрел на картину и медленно обернулся назад. Глаза у него были широко раскрыты, а губы что-то шептали. Глядя на губы Перов понял. Коровин пытался сказать: «На может быть». Через некоторое время Прокоп Петрович стал заваливаться медленно набок. Все засуетились, гости подхватили Коровина не давая ему упасть. Перов, пока все отвлеклись, сунул 1 вариант картины под стол открывая 2 и то же присоединился к гостям, что суетились вокруг юбиляра. Через некоторое время Прокоп Петрович пришел в себя глянул на картину и громко сказал: «Точно водка неправильная. Понимаете мне сон снился плохой, где я стою по колени в дерме, в руках с котом президента, что я лечил, а он умер. Гля на картину Перовскую, а я там точно такой, как во сне, с котом.» Лоцман почесал затылок, потер лоб и обращаясь к Коровину произнес: «Петрович, а крысы ты там не видел?» Тот из гостей, что истово крестился стал утверждать, что там была не только крыса, а и генеральские ломпасы.

Всех успокоил Перов. Он поднял над головой литровую бытылку водки и торжественно произнес: «Господа! Успокойтесь пожалуйста. Мы с Вами наблюдали случай группового приступа галлюцинаций вызванный неправильной водкой. В науке об это известно. Я держу в руках фактически лекарство. Если выпить правильный продукт высокого качества, то любая болезнь проходит». Многим гостям настолько понравились слова Перова, что они стали бурно аплодировать. Застолье пошло своим чередом и все бы

ничего да вот Коровин нет нет да обернется на картину.

Перов уходил последний. Он достал из под стола 1 вариант картины и отнес его в багажник машины, которую оставлял на стоянке при кафе, попросил вызвать ему такси, потом расплатился за литровую бутылку водки. Уже дома, лежа в постели он принял решение о том, что 1 вариант картины надо спрятать подальше и предупредить Адмиралова, что бы не болтал – уж очень велика сила искусства.

Подполковник армии

В. Парашин